

## **К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛЕТОПИСАНИЯ**

*С.А. Мамасьян*

*ГБУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования,  
повышения квалификации и переподготовки работников образования»*

Важной задачей современного российского гуманитарного образования, в том числе - школьного филологического - является, в частности, изучение языка как знаковой системы, лежащей в основе человеческого общения, формирования гражданской, этнической и социальной идентичности, обеспечение культурной самоидентификации, осознание коммуникативно-эстетических возможностей родного языка на основе изучения выдающихся произведений российской и мировой культуры; на основе чего осуществляется поиск путей преодоления кризиса нравственных ценностей и укрепления национального самосознания, патриотического и гражданского воспитания молодежи, с использованием, в частности, механизмов популяризации отечественного гуманитарного знания. Это особенно актуально в современных условиях, характеризующихся наличием серьезных внешнеполитических, этнокультурных и цивилизационных вызовов в отношении России, требующих адекватных мер, воплощающих усилия консолидированного российского общества, в первую очередь – представителей культуры, искусства, науки и образования, священства РПЦ и других конфессий нашего Отечества.

Известно, что процесс формирования российской гражданской идентичности неразрывно связан с целостностью исторического сознания соотечественников, уникальным инструментом складывания которого в России выступает русский язык, как форма передачи социального опыта, культурных норм и традиций, обеспечивающая, тем самым, преемственность различных поколений и исторических эпох.

Веками формируя национальное самосознание, русский язык проходил сложный процесс эволюции, представленный памятниками письменности,

являющимися в основной массе своей жанрами литературы. Не случайно русскими литературными произведениями XI–XVII вв. занимались крупнейшие представители академической науки — В.Н. Татищев, Н.И. Новиков, Евгений Болховитинов, К. Ф. Калайдович, Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский, А.А. Шахматов, В.Н. Перетц, В.М. Истрин, Н.К. Никольский, А.С. Орлов и др.

Одним из важнейших отечественных памятников и письменности, и литературы, и истории, и культуры в целом служат летописи, как средоточие идеологии и истории Древней Руси, понимания ее места в мировом историческом процессе. По справедливому замечанию академика Д. Лихачева "Русские летописи, как литературное явление, ...служили непосредственному отражению нужд и потребностей русской жизни, они открывали собой широкий путь для воздействия живой действительности на русскую средневековую культуру в целом. По самому характеру задач, которые перед ними ставились, русские летописи ближе, чем какой бы то ни было другой литературный жанр, отражали жизнь ...средневековья. Они служили основным руслом для проникновения в средневековую литературу прогрессивного влияния действительности; они ближе всего ответили потребностям национального пути развития русской средневековой литературы" [5, С. 7,8]. М.Д. Приселков называл летописи "источником необходимым и драгоценным для некоторых периодов нашего прошлого хотя бы потому, что только в этом источнике мы черпаем для этих периодов факты и последовательность событий"[9].

Именно летописи было суждено на несколько веков, вплоть до петровского времени, стать не просто погодной записью текущих событий, а одним из ведущих литературных жанров, в недрах которого развивалось русское сюжетное повествование, и одновременно жанром публицистическим, чутко откликающимся на политические запросы своего времени.

Летописи по праву считаются одним из важнейших источников изучения древней Руси. Именно в них ученые находят основной фактический материал

для исторического построения. Вся нарративная часть исследований по истории русских земель и княжеств X-XVII вв. почерпнута из летописей и, по мнению Данилевского И.Н., - в большей или меньшей степени - является их переложением[3, С. 24].

В настоящее время известно более двухсот списков летописей. Большинство из них опубликовано (полностью или в виде разночтений к другим спискам) в продолжающемся уже на протяжении более полутора столетий Полном собрании русских летописей. Некоторые летописные своды (Новгородская I летопись, псковские летописи, Устюжская летопись) публиковались отдельно. Изучение летописания XI–XII вв. затрудняется тем, что древнейшие из дошедших до нас летописных сводов восходят к XIII (первая часть Новгородской первой летописи старшего извода) или к концу XIV в. (Лаврентьевская летопись). Но благодаря фундаментальным исследованиям А. А. Шахматова [15, 16], М.Д. Приселкова [11] и Д.С. Лихачева [6] создана достаточно обоснованная гипотеза о начальном этапе русского летописания, которая, несомненно, со временем будет дополняться и уточняться, но сохранит свою содержательную основу.

Летописание, согласно упомянутой гипотезе, появилось на Руси вскоре после введения христианства. Первая летопись, возможно, была составлена **в конце X в.** Она была призвана отразить историю Руси со времени появления там новой династии Рюриковичей и до правления Владимира с его впечатляющими победами, с введением на Руси христианства. Уже с этого времени право и обязанность вести летописи были даны деятелям православной церкви. Именно в церквях и монастырях обретались самые грамотные, хорошо подготовленные и обученные люди — священники, монахи. Они располагали богатым книжным наследием, переводной литературой, русскими записями старинных сказаний, легенд, былин, преданий; в их распоряжении были и великокняжеские архивы. Ими выполнялась ответственная и важная работа: создание письменного исторического памятника эпохи, в которой они жили и

работали, связывание ее с прошлыми временами, с глубокими историческими истоками.

Ученые считают, что, прежде чем появились летописи — масштабные исторические сочинения, охватывающие несколько веков русской истории, — существовали отдельные записи, в том числе церковные, устные рассказы, которые поначалу и послужили основой для первых обобщающих сочинений. Это были истории о Кие и основании Киева, о походах русских войск против Византии, о путешествии княгини Ольги в Константинополь, о войнах Святослава, сказание об убийстве Бориса и Глеба, а также былины, жития святых, проповеди, предания, песни, разного рода легенды.

**Следующий этап** в развитии русского летописания приходится на 60–70-е гг. XI в. и связан с деятельностью монаха Киево-Печерского монастыря Никона (упоминается так же и как Иларион). Именно Никон присоединил к «Сказанию о распространении христианства на Руси» предания о первых русских князьях и рассказы об их походах на Царьград. Возможно, Никон внес в летопись и «Корсунскую легенду» (согласно которой Владимир крестился не в Киеве, а в Корсуни), наконец, тому же Никону летопись обязана и помещением в ней так называемой варяжской легенды. Эта легенда сообщала, что киевские князья будто бы ведут род от варяжского князя Рюрика, приглашенного на Русь, чтобы прекратить междоусобные распри славян. Включение легенды в летопись имело свой смысл: авторитетом предания Никон пытался убедить своих современников в противоестественности междоусобных войн, в необходимости всех князей подчиняться великому князю киевскому — наследнику и потомку Рюрика. Наконец, по мнению исследователей, именно Никон придал летописи форму погодных записей.

Около 1095 г. создается новый летописный свод, который А.А. Шахматов предложил назвать **«Начальным»**. Составитель «Начального свода» продолжил летописное изложение описанием событий 1073–1095 гг., придав своему труду, особенно в этой, дополненной им части, явно публицистический характер: он упрекал князей за междоусобные войны, сетовал, что они не

заботятся об обороне Русской земли, не слушаются советов «смысленных мужей».

В первое десятилетие XII в. при дворе князя Святополка трудами монаха Киево-Печерского монастыря Нестора был создан Свод, получивший известность как «**Повесть временных лет**», справедливо признанный исследователями вершиной раннего русского летописания.

Летопись Нестора открывается вопросом «Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить и откуда Русская земля стала есть». Таким образом, уже в этих первых словах летописи говорится о тех масштабных целях, которые поставил перед собой автор. И действительно, летопись не стала обычной хроникой, каких немало было в ту пору в мире — сухих, бесстрастно фиксирующих факты, но взволнованным рассказом тогдашнего историка, вносящего в повествование философско-религиозные обобщения, свою образную систему, темперамент, свой стиль. Происхождение Руси как естественной части семьи европейских народов Нестор рисует на фоне развития всей мировой истории [5, С. 221].

Используя предшествующие своды, документальные материалы, в том числе, например, договоры Руси с Византией, летописец развертывает широкую панораму исторических событий, которые охватывают как внутреннюю историю Руси - становление общерусской государственности с центром в Киеве, так и международные отношения Древнерусского государства. Образы многих исторических деятелей запечатлены на страницах Несторовой летописи — князья, бояре, посадники, тысяцкие, купцы, церковные деятели. Повествуется о военных походах, об организации монастырей, закладке новых храмов и об открытии школ, о религиозных спорах и реформах внутрирусской жизни. Не обходит стороной **Нестор** и жизнь народа в целом, его настроения, выражений недовольства княжеской политикой. На страницах летописи сообщается о восстаниях, убийствах князей и бояр, жестоких общественных схватках. Все это автор описывает вдумчиво и спокойно, старается быть объективным, являясь при этом глубоко религиозным

человеком, руководствующимся в своих оценках понятиями христианской добродетели и греха. Убийство, предательство, обман, клятвопреступление Нестор осуждает бескомпромиссно, но превозносит честность, смелость, верность, благородство, другие высокие человеческие качества. Вся летопись проникнута чувством единства Руси, патриотическим настроением. Все основные события в ней оценивались не только с точки зрения религиозных понятий, но и с позиций этих общерусских государственных идеалов. Этот мотив звучал особенно значительно в преддверии начавшегося политического распада Руси.

Около 1116 г. по поручению Владимира Мономаха «Повесть временных лет» была переработана игуменом Выдубицкого монастыря (под Киевом) Сильвестром. В этой новой (второй) редакции Повести была изменена трактовка событий 1093–1113 гг.: они были изложены теперь с явной тенденцией прославить деяния Мономаха. В частности, в текст Повести был введен рассказ об ослеплении Василька Тербовольского (в статье 1097 г.), ибо Мономах выступал в междукняжеской распре этих лет поборником справедливости и братолюбия.

Наконец, в 1118 г. «Повесть временных лет» подверглась еще одной переработке, осуществленной по указанию князя Мстислава - сына Владимира Мономаха. Повествование было продолжено до 1117 г., отдельные статьи за более ранние годы изменены. Эту редакцию «Повести временных лет» принято считать третьей.

До сего дня сохранились лишь относительно поздние списки летописей, в которых отразились упомянутые древнейшие своды. Так, «Начальный свод» сохранился в Новгородской первой летописи (списки XIII–XIV и XV вв.), вторая редакция «Повести временных лет» лучше всего представлена Лаврентьевской (1377 г.) и Радзивилловской (XV в.) летописями, а третья редакция дошла до нас в составе Ипатьевской летописи. Через «Тверской свод 1305 г.» — общий источник Лаврентьевской и Троицкой летописей — «Повесть

временных лет» второй редакции вошла в состав большинства русских летописей XV–XVI вв.

В литературе XI–XIII вв. достаточно основательно проявляет себя явление, которое Д.С. Лихачев назвал «литературным этикетом». **Литературный этикет** — преломление в литературном творчестве «стиля эпохи», особенностей мировоззрения и идеологии. Литературный этикет как бы определяет задачи литературы, ее темы, принципы построения литературных сюжетов и, наконец, сами изобразительные средства, выделяя круг наиболее предпочтительных речевых оборотов, образов, метафор.

В основе понятия литературного этикета лежит представление о незыблемом и упорядоченном мире, где все деяния людей как бы заранее предопределены, где для каждого человека существует особый эталон его поведения. Литература же должна соответственно утверждать и демонстрировать этот статичный, «нормативный» мир. Это значит, что ее предметом по преимуществу должно стать изображение «нормативных» ситуаций: если пишется летопись, то в центре внимания находятся описания восшествия князя на престол, битв, дипломатических акций, смерти и погребения князя; причем в этом последнем случае подводится своеобразный итог его жизни, обобщенный в некрологической характеристике. Аналогично в житиях обязательно должно быть рассказано о детстве святого, о его пути к подвижничеству, о его «традиционных» (именно традиционных, едва ли не обязательных для каждого святого) добродетелях, о творимых им при жизни и по смерти чудесах и т.д.

При этом каждая из названных ситуаций (в которой герой летописи или жития наиболее отчетливо выступает в своем амплуа — князя или святого) должна была изображаться в сходных, традиционных речевых оборотах: о родителях святого обязательно говорилось, что они благочестивы, о ребенке - будущем святом, что он чуждался игр со сверстниками, о битве повествовалось в традиционных формулах типа: «и бысть сеча зла», «иных посекоша, а иных поимаша» (т.е. одних изрубили мечами, других захватили в плен), и т.д.[13]

Однако дух литературного этикета выдерживался не во всех летописях. Во-первых, потому, что разнообразные явления действительности — а летопись не могла с ней не соотноситься — не могли укладываться в заранее придуманную схему «этикетных ситуаций», и поэтому наиболее яркое проявление этого стиля обнаруживается лишь в описании традиционных ситуаций: в изображении прихода князя «на стол», в описании битв, в некрологических характеристиках и т.д. Во-вторых, в летописи сосуществуют два генетически различных пласта повествования: наряду со статьями, составленными летописцем, там обнаруживаются и фрагменты, введенные летописцем в текст. Среди них значительное место составляют народные легенды, предания, во множестве входящие в состав «Повести временных лет» и - хотя и в меньшей мере - последующих летописных сводов.

Вошедшие в состав летописи устные легенды отражали т.н. эпическую традицию, в отличие от т.н. "монументального историзма"(сковывавшего, как полагают современные исследователи, свободу сюжетного повествования, в силу стремления унифицировать, выразить в одинаковых речевых формулах и сюжетных мотивах различные жизненные ситуации) и, естественно, имели иной стилистический характер. Стиль народных преданий, включенных в летопись, Д.С. Лихачев определил, как «эпический стиль».

«Повесть временных лет», где рассказ о событиях современности предваряется припоминаниями о деяниях славных князей прошлых веков — Олега Вещего, Игоря, Ольги, Святослава, Владимира, сочетает оба эти стиля.

Литературное влияние «Повести временных лет» отчетливо ощущается на протяжении нескольких веков: летописцы продолжают применять или варьировать те литературные формулы, которые были употреблены в «Повести временных лет», подражают имеющимся в ней характеристикам, а иногда и цитируют Повесть, вводя в свой текст фрагменты из этого памятника. Свое эстетическое обаяние «Повесть временных лет» сохранила и до нашего времени, красноречиво свидетельствуя о литературном мастерстве древнерусских летописцев.

**Летописание XII - первой трети XIII века** представлено по преимуществу в составе так называемой Киевской летописи — великокняжеского летописного свода, доведенного до 1199 г. и отредактированного, как полагают, выдубицким игуменом Моисеем [11]. Киевское летописание в значительной мере утратило широкий, общерусский взгляд на события современности, присущий «Повести временных лет»: эта летопись — скорее хроника деяний киевских князей и их политических партнеров или противников. По большей части в Киевской летописи содержатся погодные записи, остающиеся лишь информацией, не перерастающей в подлинно сюжетное повествование. Сюжетных рассказов в Киевской летописи немного: это так называемые «повести о княжеских преступлениях» (например, повесть об убиении Андрея Боголюбского) и повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.

Киевская летопись, особенно в своей второй части (начиная со статей 40-х гг. XII в.), - наглядный пример торжества стиля монументального историзма, зарождение которого наблюдалось и в «Повести временных лет». И киевский, и черниговский летописцы, и составитель хроники Ростиславичей часто приводят пространные некрологические характеристики, постоянно употребляют традиционные речевые клише при описании битв или каких-либо значительных моментов в жизни князя.

Начиная с середины XII в. все более заметной становится роль в общерусских делах Владимиро-Суздальского княжества. Своды конца XII в. сохранились в составе Лаврентьевской летописи, а свод 1212 г. - в Радзивиловской и Московско-Академической летописях, а также в «Летописце Переяславля-Суздальского». **Владимирское летописание** преследовало цель утвердить авторитет своего княжества и обосновать его претензии на политическую и церковную гегемонию во всей Руси. Именно поэтому владимирские своды не ограничивались описанием местных событий, а представляли широкую картину истории всей Русской земли; южнорусские

события излагались в основном по летописям Переяславля-Южного, с которыми у владимирских князей были прочные политические связи.

Для владимирских летописных сводов конца XII в. характерно постоянное украшение повествования нравоучительными и благочестивыми рассуждениями, подчеркивание, что их княжество находится под покровительством патрональной иконы — Владимирской божьей матери и что именно «владимирцы» «прославлены богом по всей земли за их правду». Владимирские князья в изображении летописцев исполнены мудрости, справедливости и благочестия; некрологические характеристики их торжественно помпезны, пересыпаны цитатами из священного писания.

Совершенно иной характер имеет **новгородское летописание**. Как полагают исследователи, новгородское летописание, ведшееся еще с XI в., после антикняжеского переворота 1136 г. претерпело существенное изменение. По поручению новгородского епископа Нифонта из летописи была изъята начальная часть «Повести временных лет» третьей редакции (до статьи 1074 г.) и заменена текстом «Начального свода», открывавшимся предисловием, содержащим осуждение князей, разоряющих Русскую землю поборами, упрекавшим их в «несытстве» и алчности. Этот тон отражал политическую ситуацию тех лет, когда был изгнан князь Всеволод Мстиславич и Новгород стал городской республикой (князья отныне приглашались вечами и роль их в управлении городом была существенно ограничена). Новгородское летописание — особенно летописание XII в. — отличается простотой и «демократичностью» содержания. Летописцы по преимуществу говорят о местных, новгородских событиях, редко упоминая о событиях в других русских княжествах.

Феодальное дробление Руси способствовало развитию местного, областного летописания. С одной стороны, это приводило к узости летописной тематики, придавало отдельным летописям провинциальный оттенок. С другой, локализация литературы способствовала проникновению в литературные тексты оригинальных местных черт, более интенсивному воздействию на

книжную культуру местной устной, народной по происхождению культуры. Это вело к определенной демократизации письменного творчества, расширяло социальные рамки книжников, участвующих в создании русской литературы. Вместе с тем необходимо отметить свойственную именно только русскому летописанию характерную черту. В русском летописании на много веков (с XI по XVI) прочно закрепляется консервативная летописная форма: летопись — это рассказ о многовековой истории всей Русской земли. И в годы золотоордынского господства, в период феодальной раздробленности русских земель и междоусобных распрей на Руси, по существу, ведется единая летопись.

Батыево нашествие и последующий режим ига затормозили процесс интенсивного развития летописания. В городах, разгромленных захватчиками, летописание прерывается, в какой-то степени замирает оно и в тех летописных центрах, которые не подверглись непосредственному разорению. Но полностью летописание не прекращается и в самые тяжелые годы золотоордынского ига. Из разрушенных центров оно переносится в другие города, продолжает вестись в уцелевших от разгрома княжествах. После разгрома завоевателями Владимира в 1237 г. великокняжеское летописание, ведшееся здесь, переходит в Ростов. В ростовском летописании XIII в. исследователи выделяют (из состава Лаврентьевской летописи) два ростовских свода — свод 1239 г. Ярослава Всеволодовича и свод 1263 г. В истории ростовского летописания большую роль сыграла княгиня Марья, дочь Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого в Орде в 1246 г., и жена ростовского князя Василька, погибшего в 1238 г.

В 1262 г. по ростовским городам прошла волна восстаний против ордынских баскаков — наместников Золотой Орды. Созданный после этих событий летописный свод проникнут идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость родины. Именно эта идея определила собой и содержание, и форму летописи. Летопись соединяет в своем составе ряд рассказов о мученической кончине русских князей, отказавшихся от всяких

компромиссов со своими завоевателями. Во всех этих летописных повестях князья предстают как страдальцы за веру - они не изменяют православию и не соглашаются признать «поганую» веру захватчиков. Таким образом, гибель князей трактуется как религиозный подвиг. Заметим, что в годы монголо-татарского ига такой подвиг должен был восприниматься не только как страдание за веру, но и как мужественное выступление против гнета поработителей вообще. Эта тенденция бросается в глаза тем более, что монголо-татары, как это хорошо известно из источников, относились к вероисповедным вопросам весьма лояльно и русская церковь пользовалась в Орде целым рядом привилегий.

**В XIII в.**, в годы, близкие к событиям 30-х гг., был составлен рязанский летописный свод, характерной чертой которого является обвинение князей в успехах батыевых полчищ: русские воины не смогли противостоять врагам из-за споров князей, нежелания забыть личные интересы ради общего дела. Особенно сильно эта обличительная тенденция проявляется в рассказе о взятии Батыем Рязани. Великий князь Юрий Всеволодович, убитый позже в битве на реке Сити, на просьбу рязанцев помочь им «ни послуша князий рязаньских молбы, но сам хоте особь брань створити». Сообщив это, летописец восклицает, что еще до нашествия врага («преже сих») «отъя господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наша». «Недоумение» — неразумие, несогласованность действий князей, пренебрежение общими интересами в корыстных личных целях и явилось причиной разрозненности действий князей в минуту грозной опасности, что привело к поражению.

В годы монголо-татарского нашествия продолжает вестись **летописание в Новгороде**, где происходит расширение тематики, появляется интерес к событиям общерусского значения. Особенностью новгородского летописания является демократический характер новгородских летописей, а также - хронологическая близость записей к описываемым событиям. Усматривается

позиция рассказчика как непосредственного участника, свидетеля описываемого.

Летописные своды, созданные в годы монголо-татарского нашествия, летописные повести и сказания доносят описание исторических событий этих тяжелых лет русской истории. Как и летописи предшествующего периода, летописание этого времени имеет ценность не только как исторический источник, но и как явление литературное. В летописании ярко отразились человеческие страсти и чувства, патриотические оценки происходящего, устные народные предания, связанные с нашествием монголо-татар. В них содержатся эмоциональные описания героической борьбы русского народа с иноземными захватчиками.

**В конце XIII — первой половине XIV в.** возникают новые летописные центры. С конца XIII в. начинают вестись летописные записи в Твери и Пскове, в 20-х гг. XIV в. зарождается летописание в Москве.

Наиболее полно **тверские** летописные материалы представлены 60–70-ми гг. XIV в., когда тверской князь Михаил Александрович активно боролся за Владимирский великокняжеский стол. Составленный в это время Тверской свод 1375 г. лежит в основе Рогожского летописца и Тверского сборника. Для памятников тверского летописания характерна политическая заостренность, тверские летописи проявляют особый интерес к темам борьбы с монголо-татарским насилием.

Летописная работа в **Пскове** велась при церкви св. Троицы, патрональном храме Пскова. Летописание носило официальный характер. При составлении летописных записей использовались документы, реляции. Это придавало псковской летописи деловой, практический характер. Одной из типических черт псковской летописи является ее своеобразная светскость: в ее содержании и стиле церковно-религиозные мотивы занимают мало места. Псковская летопись в основном состоит из лаконичных записей официально-документального характера (типа «В лето 6811 (1303). Бысть зима тепла без снега, и бысть хлеб дорог велми. Того же лета Избореск поставлен бысть на

новом месте»). На фоне такого рода записей выделяются более подробные по содержанию, обширные описания военных столкновений Пскова со своими внешними врагами. Составителем псковской летописи были использованы материалы новгородских летописей, ряд литовских, смоленских и полоцких известий.

Начало летописания **в Москве** связано с князем Иваном Даниловичем Калитой и митрополитом Петром. В основу первого московского летописного свода, предположительно датированного 1340 г., легли записи семейного летописца Ивана Калиты (первая запись этого летописца — о рождении сына Калиты Семена в 1317 г.) и летописца митрополита Петра — «с переездом в Москву митрополита Петра перешел в Москву летописец этого митрополита, начатый записью 1310 г.». Общерусский характер московское летописание приобретает в конце XIV — первой половине XV в.

В годы, непосредственно предшествовавшие Куликовской битве и после нее, **в конце XIV — первой половине XV в.**, происходит подъем русского летописания. В это время создаются многочисленные летописные своды, составители которых пользуются местными летописями, перерабатывая, редактируя их в зависимости от тех политических интересов, которым призван был отвечать тот или иной составляемый летописный свод. Повышенный интерес к историческому прошлому в летописании проявляется в том, что в начальную часть вновь создаваемых летописных сводов, как правило, включаются рассказы об истории Киевской Руси — «Повесть временных лет», выборки из нее. Летописные своды связывают историю своего времени, своей земли со всей предшествующей историей Русского государства. Это имело принципиально важное идеологическое значение: история каждого княжества становилась продолжением истории всей Русской земли, а великие князья этих княжеств выступали наследниками киевских князей. Составители летописных сводов включают в них летописи разных княжеств, внелетописные по происхождению повести, жития, публицистические и юридические памятники.

Центром русского летописания становится Москва, и, что особенно характерно, **московское летописание приобретает общерусский характер.**

Реально дошедшим до наших дней списком летописи конца XIV в. является **Лаврентьевская летопись**, переписанная в Суздальско-Нижегородском княжестве монахом Лаврентием с помощниками в 1377 г. Большинство исследователей определяют Лаврентьевскую летопись как копию того «ветшаного» (ветхого) оригинала (так называет его сам Лаврентий), с которого он и его товарищи переписывали свой текст, т.е. как копию свода 1305 г. Летопись начиналась «Повестью временных лет», рассказывавшей о былом величии Русской земли. В Лаврентьевскую летопись было включено «Поучение» Владимира Мономаха — произведение, призывавшее забыть личные обиды и внутренние распри перед лицом грозящей Русской земле внешней опасности, дающее яркое представление о князе - мудром государственном деятеле и мужественном военачальнике. Повествование о событиях 30-х гг. XIII в. носит в летописи возвышенно-патриотический характер: хотя русские князья и гибли в неравной борьбе, но все они мужественно и единодушно выступали против ордынского засилья.

Летописный **свод Киприана** 1408 (1409) г. — Троицкая пергаменная летопись, погибшая в московском пожаре 1812 г.— **первый общерусский летописный свод.** Киприан, как митрополит всея Руси, мог привлечь для составления летописного свода летописи из всех подчиненных ему в церковном отношении русских княжеств, в том числе и тех, которые в это время входили в состав великого княжества Литовского. При составлении свода Киприана были использованы летописи Твери, Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Ростова, Рязани, Смоленска и, конечно, все предшествующее летописание Москвы. Кроме того, в свод Киприана были включены сведения по истории Литвы. Свод Киприана носил промосковский характер, хотя использованные источники перерабатывались незначительно. Особенностью свода Киприана был поучительный, публицистический тон летописи.

Усиление общерусского характера московского летописания происходит в следующем гипотетически предполагаемом летописном своде — своде митрополита Фотия, время составления которого А.А. Шахматов относил к 1423 г., а М.Д. Приселков - к 1418. Предполагаемый текст этого свода - текст общерусских известий реально дошедших до нас Новгородской четвертой и Софийской первой летописей. Новой чертой свода Фотия было использование в нем народных преданий о русских эпических богатырях (Алеше Поповиче, Добрыне, Демиане Куденевиче, Рогдае Удалом и др.). Составитель этого свода стремится сгладить слишком ярко выраженные московские пристрастия предшествующего свода, быть более объективным и лояльным по отношению ко всем землям Руси, в том числе и соперничающим с Московским княжеством. В своде Фотия видно явное стремление Москвы придать летописанию общенародный характер.

В конце XIV — первой половине XV в. шла непрерывная политическая и идеологическая борьба Москвы с **Новгородской боярской республикой**. Большую роль в идеологической борьбе Новгорода с Москвой играл новгородский архиепископ. В 1429–1458 гг. на новгородской архиепископской кафедре находился архиепископ Евфимий II. Стремление подчеркнуть значимость Новгорода в истории Русской земли, противопоставить Новгород, новгородскую древность Москве вызывало обостренный интерес к историческому прошлому, желание показать связь истории города с историей всей Русской Земли. При Евфимии II в Новгороде оживляются исторические предания, при владычном дворе ведется интенсивная летописная работа, создаются летописные своды. Официальное владычное летописание Новгорода теряет свою былую демократичность, становится из местного летописания летописанием, претендующим на общерусское значение. В летопись, как и в московском летописании, усиленно включаются внелетописные памятники повествовательного, историко-политического характера, призванные документально обосновать исторические права Новгорода.

Конец XIV - первая половина XV в. в истории летописания характеризуется тем, что летописание приобретает общерусское значение. И это черта не только московского летописания, но и летописания других городов. Отмечая стремление псковского летописания «выйти за пределы „областного“, „местного“», А.Н. Насонов пишет: «Это симптоматично. В XV в. в той или иной мере становятся общерусскими летописные своды в разных городах, в разных областях России» [9].

Вторая половина XV в. — время расцвета русского летописания, характеризуемого наибольшим в сравнении с другими временами количеством разнообразных летописных сводов.

К середине XV в. относится **общерусский свод**, соединивший московское митрополичье летописание начала XV в. (Троицкая летопись) с богатой новгородской летописной традицией XI — начала XV в. (до этого времени существовавшей отдельно) и использовавший также тверское, псковское и иное местное летописание. Свод этот, созданный, по-видимому, при митрополичьем дворе в период междоусобных войн в Московском княжестве, именуется обычно Новгородско-Софийским или сводом 1448 г. (дошел в составе Софийской первой и Новгородской четвертой летописей). Значение свода 1448 г. в истории древнерусской литературы и общественной мысли весьма велико: это был первый в полном смысле слова общерусский свод, который ввел в летописание ряд развернутых рассказов о важнейших событиях отечественной истории (обширные повести о монгольском нашествии, построенные на основе владими́ро-суздальского, южнорусского и новгородского рассказов, повести о Михаиле Черниговском, Михаиле Ярославиче, Дмитрии Донском, Куликовской битве, нашествии Тохтамыша).

В XV в., наряду с общерусским летописанием, продолжается ведение летописей в отдельных княжествах, землях и монастырях. Новгородское летописание XV в. развивалось в двух направлениях: параллельно со сводом 1448 г. на основе местной традиции была создана новгородская летопись с незначительным добавлением общерусских известий (Новгородская первая

летопись младшего извода), а несколько позже и на основе свода 1448 г. возникла летопись общерусского характера с некоторыми переделками и расширением новгородских разделов (Новгородская четвертая летопись); последняя независимая новгородская летопись была составлена в 70-х гг. XV в. — накануне падения Новгородской республики (Строевский список Новгородской четвертой летописи). В основном на местном материале была построена и псковская (Псковская первая) летопись.

Летописи второй половины XV в. различались не только по месту возникновения, но и по своим социально-политическим тенденциям. Русским летописцам, как и составителям средневековых западных хроник, не было чуждо сословное самосознание. Различными были и политические позиции летописцев, составлявших общерусские своды. Основной идеей московского великокняжеского летописания была защита «отчинных» прав владимирско-московских князей на Новгород и другие русские земли. Свод 1448 г. также признавал эти права, но считал вполне законными и новгородские вольности, постоянно и без всякого осуждения отмечая случаи, когда новгородцы «выгнаша», «выведоша» или «показаша путь» неугодным им князьям, упоминал он и мирные соглашения, заключенные «по всей воле новгородской». Из представления о едином Русском государстве, возглавляемом московскими «великими осподарями», исходили и уже упомянутые неофициальные своды последней трети XV в.; они осуждали только те политические акты московских государей, которые казались им проявлением несправедливости: «Недостойно бяше православному великому осподарю, во всей подсолнечной сущею и такими казньми казнити и кровь проливати», — писал составитель кирилло-белозерского свода по поводу жестокой расправы Василия Темного с серпуховскими дворянами. В противоположность этим сводам московское великокняжеское летописание последовательно отстаивало неограниченные права своих государей; великокняжеский свод 1472 г. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи) тщательно устранял все упоминания о новгородских вольностях (и о соглашениях «по всей воле новгородской»),

заменяя упоминания о том, что новгородцы «выгнаша» князей или «показаша им путь», на «изыде» князь, «выеха» князь и т. д. Великокняжеский свод 1479 г., составленный уже после окончательного присоединения Новгорода, упоминал случаи изгнания князей из Новгорода, но как примеры новгородского самоуправления: «Таков бо бе обычай окаянных смердов изменников».

Чрезвычайно разнообразные по своему происхождению и социально-политическим позициям, летописи второй половины XV в. существенно различались по их литературному характеру. Наряду с краткими известиями и погодными записями в летописании XV в. все более значительное место занимают развернутые повести о наиболее важных событиях. Повести эти часто обнаруживали влияние агиографического (житийного) жанра.

Значение летописной повести о Куликовской битве в истории древнерусской литературы было довольно скромным. Создание сюжетной схемы — житийной или воинской — было на определенном этапе необходимым явлением в развитии повествовательного искусства. Но описание отдельных ситуаций, этикетные формулы, на которых строил свой сюжет составитель летописной повести, были заимствованы им из уже сложившейся традиции. Обратившись к теме, историческое значение которой он понял и подчеркнул, летописец внес в ее литературную разработку мало оригинального, не создав произведения такого масштаба, как, например, «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище».

Склонность к житийным схемам и риторике встречается и у летописцев второй половины XV в. Именно так строятся, например, московские летописные повести о победе над Новгородом в 1471 г.: «Словеса избранна от святых писаний», помещенные в одном из списков Софийской первой летописи, и рассказ великокняжеских сводов 1472, 1479 и последующих годов.

В этих повествованиях мы находим знакомые мотивы «Жития Александра Невского» или летописной повести о Куликовской битве: враги (новгородцы) гордятся и ярятся, забыв библейские поучения; великий князь (Иван III) скорбит, проливает слезы, молится богу и только тогда, когда чаша

его долготерпения переполняется, вступает в бой; победа великокняжеских сил имеет все признаки чуда и совершается с божественной помощью. Некоторое неудобство этой сюжетной схемы заключалось в том, что она была предназначена для описания победы над чужеземцами; новгородцы же были русскими и православными. Но авторы устраняли это затруднение тем, что обвиняли новгородцев (ведших переговоры с польско-литовским королем) в «латинстве» и, следовательно, в «отступничестве». Этим аргументом оправдывалась и одна особенность войны 1471 г., которая, по-видимому, многих на Руси смущала: значительная роль татарских сил в войске великого князя; летописцы специально подчеркивали, что новгородцы, готовясь отступить от православия, становились тем самым «горее [хуже] неверных».

**Ростовский рассказ о «стоянии на Угре».** По сходной схеме был построен и рассказ о другом важнейшем событии в истории Русского государства — «стоянии на Угре» в 1480 г., ознаменовавшем собой окончание монголо-татарского ига. Рассказ «о стоянии на Угре», помещенный в Типографской летописи (ростовский свод 80-х гг.) и в великокняжеских летописных сводах (начиная со свода 1492 г.) был тесно связан с публицистическим памятником конца XV в. — посланием ростовского архиепископа Вассиана на Угру, в котором Вассиан призывал Ивана III к решительному сопротивлению последней попытке восстановления власти хана. Составленный уже после отхода ордынских войск летописный рассказ, как и послание, представлял собой замечательное произведение публицистики. Автор его клеймил «богатых и брюхатых» приближенных князя, настаивавших на соглашении с ханом, и заканчивал повествование пламенным призывом: «О храбри, мужественнии сынове Рустии! Подщистесь сохранить свое отечество, Русскую землю, от поганных, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши распления и разграбления домов ваших и убьения чад ваших и поругания над женами и дщерми вашими!». Но сюжетное построение рассказа было достаточно традиционным. Вариант свода 80-х гг. (связанного, по-видимому, с ростовской архиепископской кафедрой) имел особенно резкую религиозную

окраску: «... ни ангел, ни человек спасе нас, но сам господь, пречистые и всех святых моленми», - заявлял здесь князь; в рассказе великокняжеских сводов этих слов не было, но мотив божественного вмешательства в битву присутствовал в обоих вариантах. От летописных повестей о Куликовской битве и о походе на Новгород рассказ об Угре отличался одним обстоятельством: стояние 1480 г. не привело к сражению; не решившись перейти реку, ордынцы отошли без боя; «чюдо святые богородицы» выразилось поэтому в рассказе не во вмешательстве ангельских сил в битву, а в том, что оба войска, никем не преследуемые, отступили друг от друга: «... едени от других бежаху и никто же няше».

**В XVI в.** общерусское летописание стало централизованным: летописание это велось в Москве (вероятнее всего, совместными силами великокняжеской и митрополичьей канцелярии); летописцы в других городах и в монастырях при изложении событий близкого к ним времени вынуждены были почти буквально передавать официальное великокняжеское (с середины XVI в. — царское) летописание. Единое общерусское летописание XVI в. было представлено рядом сменявших друг друга сводов. Таковы свод 1508 г. (заключительная часть которого отразилась в Софийской первой летописи по списку Царского), свод 1518 г. (текст за конец XV - начало XVI в. в Софийской второй, Львовской и Уваровской летописях), свод 1534 г. (окончание Воскресенского списка Софийской второй летописи). В 20-х гг. XVI в. была составлена летопись, охватывавшая, в отличие от большинства сводов, не всю русскую историю с древнейших времен, а лишь время трех московских великих князей (Василия II, Ивана III и Василия III) - Иоасафовская летопись. В 20-х гг. начинается также составление самой обширной по размеру русской летописи, получившей у историков наименование Никоновской; первоначальная редакция этой летописи (список Оболенского) была создана, по-видимому, при дворе известного церковного деятеля (с 1526 г. — митрополита) Даниила, но стала основой официального великокняжеского летописания. В 1542 г., в период малолетства Ивана IV и «боярского правления», был составлен новый

летописный свод — Воскресенская летопись. Следующие этапы истории летописания относились уже ко времени политического могущества Ивана IV. Около 1555 г. был составлен «Летописец начала царства», охватывавший время от смерти Василия III до казанской победы 1552 г., составление этого памятника может быть, по-видимому, связано с деятельностью сподвижника Грозного — Алексея Адашева. В середине XVI в. «Летописец начала царства» был переработан и включен в состав второй редакции Никоновской летописи (Патриарший и другие списки), доведенной до 1558 г. В 60-х гг. была создана наиболее официальная, многотомная, богато иллюстрированная редакция Никоновской летописи — **Лицевой свод** (включавший не только летописное повествование, но, в своей начальной части, также и библейские и хронологические тексты), дошедший до нас в составе «**Царственной книги**». Причиной прекращения ведения Лицевого свода, а вместе с тем и всего царского летописания, были, очевидно, какие-то резкие политические перемены в период опричнины, делавшие невозможным сколько-нибудь последовательное и стабильное объяснение политической истории последнего периода.

В XVII в. происходило постепенное отмирание летописной формы повествования. В это время появились местные Л., из которых наиболее интересны Сибирские летописи. Начало их составления относится к 1-й половине 17 в. Из них более известны Строгановская летопись и Есиповская Л. В конце 17 в. тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым была составлена «История Сибирская» («Сибирские летописи», 1907). В 17 в. летописные известия включаются в состав степенных книг и хронографов. Летописные материалы были положены в основу создания знаменитого Синописа (1670 г.), ставшего, по сути, первым учебником по истории.

Русские летописи XI-XVII вв. являются памятниками не только русской истории и литературы, но и сокровищницей русского национального самосознания. В них представлены почти все сферы духовной деятельности русских людей. Наши летописи, по замечанию В.К. Зиборова [4], с полным

правом можно назвать священными книгами русского народа, что обязывает живущих ныне россиян должным образом относиться к этому бесценному наследию отечественной и мировой культуры.

### Литература:

1. Повесть временных лет. Ч. 1. Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1950 (серия «Лит. памятники»), с. 102. (Далее все цитаты из ПВЛ даются в тексте по этому изд.).

2. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.) - М.: Аспект Пресс, 1998

3. Данилевский Н.Н. Исторические источники XI-XVII веков // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://www.avorhist.ru/publish/istved2-1-1.html>

4. Зиборов В.К. Русское летописание XI-XVIII веков. - СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2002.

5. История России с древнейших времен до конца XVII века / А.П. Новосельцев, А.Н. Сахаров, В.И. Буганов, В.Д. Назаров; отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. - М.: АСТ-ЛТД, 1998.

6. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М. - Л., 1947. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lihachev.ru/nauka/literatura/biblio/2093/#>

7. Лихачев Д. С. Своеобразие древнерусской литературы. — В кн.: Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность. - Л., 1971.

8. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.

9. Насонов А. Н. История русского летописания XI — нач. XVIII вв., - М., 1969.

11. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russiancity.ru/books/b54.htm>
- 12 Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. [Электронный ресурс] URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3801073>
13. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул древней Руси. — Труды Отдела древнерусской литературы, т. 20. М. — Л., 1964, с. 29–40.
14. Тихомиров М.Н. Летописи // БСЭ [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/Летописи В8>
15. Шахматов А. А. История русского летописания/Алексей Александрович Шахматов. – СПб.: Наука, 2002.
16. Шахматов А. А. История русского летописания Т. 1 : Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. - Кн.2: Раннее русское летописание XI - XII вв. – СПб.: Наука, 2003.